экз.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

БИБЛИОТЕКА * КОНТОРЫ О. Т. С.
№ 7065
30/VI 1911 г.

ІЮНЬ

И. Б.

1911

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

Библиотека Кружка Красной Горки ...
Инв. № 2011

СОДЕРЖАНІЕ №6

		стр.
1.	ПРОКЛЯТЫЙ РОДЪ. Романъ. (Продолженіе). **Ив. Рукавишникова.**	3
2.	МОРЕ ВЪ ТУМАНѢ. Стихотвореніе. **Павла Тулуба**	64
3.	ИНГВА. Повѣсть. **В. Сѣрошевскаго**	65
4.	БУРЕЯ. Разсказъ. **Н. Матвѣева.**	85
5.	ХИРУРГЪ. Разсказъ. **Отто Рункъ.** Переводъ съ нѣм. В. Величкиной.	107
6.	ТУМАНЪ. Стихотвореніе. **А. Өедорева.**	119
7.	ОДЕРЖИМЫЙ. Романъ **Камилла Лемонье.** Авториз. перев. съ франц. С. А. Лопашева	122

Во избѣжаніе перерыва

въ высылкѣ журнала

контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, **внесшихъ 4 р. 50 к.** (за первое полугодіе), озаботиться **своевременной уплатой** слѣдующаго взноса.

ПРОСИМЪ ВЫСЛАТЬ АДРЕСЪ-БАНДЕРОЛЬ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ:

С.-Петербургъ, Надеждинская, 33, кв. 5.

СТР.

8. М. А. БАЛАКИРЕВЪ ВЪ ПРАГѢ. (Изъ его переписки). **Г. Тимофеева** 147
9. ХМѢЛЬ. Стихотвореніе. **Саши Чернаго** 186
10. ВЪ ЛУЗИТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ. (Замѣтки и наблюденія). **Е. Адамова** 187
11. НОВѢЙШЕЕ СОЦІАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. (Окончаніе) **Ѳ. Капелюша** 218
12. ПОЭЗІЯ БОЛЬШОГО ГОРОДА. **В. Фриче** 230
13. У ЗАКАВКАЗСКИХЪ ДУХОБОРЦЕВЪ. **В. Бончъ Бруевича** 237
14. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БУРЖУАЗІЯ О ЗЕМСКОМЪ ОБЛОЖЕНІИ. **І. Дроздова** 265
15. БУДНИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. **И. Коновалова** 275
16. И. А. КОНОВАЛОВЪ. Некрологъ. **В. Л.-Р.** 289
17. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. *Націонализмъ на всемъ готовомъ.* **І. Ларскаго** 291
18. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. Внѣ жизни. **Вл. Кранихфельда** . . 306
19. ЗА РУБЕЖОМЪ. Австрійскіе выборы. **К. Вейдемюллера** . . . 318
20. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. Твори Т. Шевченка. Зъ малюнками.—А. Діесперовъ. Стихотворенія.—Д. Крачковскій. Разсказы.—Е. Миличъ. Легенды, сказанія и вымыслы.—Гр. А. Н. Толстой. „Двѣ жизни". Романъ. — Веніаминъ Корчемный. Собраніе сочиненій. Т. II. „Казнь" (очеркъ одной жизни).—М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе". Т. I и II.—Елена Грекова. Разсказы.—Новый энциклопедическій словарь. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.—А. И. Платоновъ. Къ вопросу о предстоящей церковной реформѣ.—А. М Бодянскій. Духоборцы. Сборникъ разсказовъ, писемъ, документовъ и статей по религіознымъ вопросамъ.—В. И. Чарнолускій. Настольная книга по народному образованію. Т. IV.—О. Хауке. Русское землеустроительное законодательство. — І. М. Бикерманъ. Черта еврейской осѣдлости.—О. Семинъ. Великая годовщина.—Борисъ Веселовскій. Исторія земства. Т. III.—К. Валишевскій. Полное собраніе сочиненій. Т. II.—Ив. Блиновъ. Отношеніе сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ въ XIX вѣкѣ.—Историческая библіотека „Сфинкса". Т. I.—А. Богдановъ и И. Степановъ. Курсъ политической экономіи. Т. I.—А. Мессеръ. Введеніе въ теорію познанія.—А Бинэ и Т. Симонъ. Развитіе интеллекта у дѣтей.—„Итоги науки въ теоріи и практикѣ". Изд. т-ва „Міръ".—А. Вагнеръ. Новый курсъ въ біологіи.—Новыя идеи въ физикѣ.—Максъ Планксъ. Теоретическая физика.—Къ южному полюсу.—Въ трущобахъ Манчжуріи и нашихъ восточныхъ окраинъ. Сборникъ.—Н. А. Римскій-Корсаковъ. Музыкальныя статьи и замѣтки 330
21. НОВЫЯ КНИГИ 358
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ 360

Типографія акціонернаго общества „Слово". Спб., Ул. Жуковскаго, 21

суетливые огни житейскихъ событiй—фальшивыя укращенiя, кричащiя дешевымъ блескомъ, и Андрею стало ясно, что въ тѣхъ событiяхъ, которыя составили его внѣшнюю жизнь, лицемѣрная душа его жила и питалась именно этими огнями—искаженными, блѣдными, трусливыми отблесками въ ней же пылавшаго пламени, великаго пламени любви къ человѣку, познанiя собственной мудрости ради" и т. д. Такими водянистыми, не совсѣмъ грамотными и поэтому ничего не говорящими разсужденiями наводнена вся повѣсть Корчемнаго, причемъ съ первой и до послѣдней страницы повторяется все одна и та же мысль о непримиримости правды внутренней, личной, съ правдою мiра. Скука, томительная скука царитъ надъ вторымъ томомъ собранiя сочиненiй Корчемнаго, и, если такимъ же настроенiемъ будутъ обвѣяны готовящiеся къ печати дальнѣйшiе томы собранiя, то писательская слава автора померкнетъ съ такою же неожиданною стремительностью, съ какою она вдругъ возсiяла при помощи „Сфинкса". **Вл. Кр.**

М. Сивачевъ. „Прокрустово ложе". Т. I и II. К-во Современныя проблемы. Москва. 1911. — „Прокрустово ложе"—исторiя пролетарiя, стремящагося въ ряды интеллигенцiи, трагическая судьба начинающаго писателя изъ рабочихъ, всѣми фибрами своего существа рвущагося къ свѣту культуры. Тема собственно не новая. Она не разъ уже разрабатывалась, напр., въ новѣйшей западно-европейской литературѣ. При чтенiи книги г. Сивачева то и дѣло вспоминаются знакомыя положенiя, всплываютъ знакомые образы. Какъ въ „Голодѣ" Гамсуна, и здѣсь изображены физическiя и душевныя муки начинающаго писателя, поставленнаго въ самыя тяжелыя условiя жизни. Какъ въ „Дикой ордѣ" Бласко Ибаньеса передъ нами человѣкъ, вышедшiй изъ низинъ, порвавшiй съ своей средой и тщетно пытающiйся устроиться въ буржуазномъ мiрѣ: и тамъ и здѣсь онъ встрѣчаетъ на своемъ скорбномъ пути маленькую героическую женщину, которая на мгновенiе скрашиваетъ его голгоѳу, но потомъ, надломленная нуждой и болѣзнью, умираетъ и оставляетъ его одного продолжать трудную борьбу за жизнь. Вспоминаются и другiя аналогичныя произведенiя (напр., „Крестьяне-студенты" А. Гарборга). И несмотря на то, что основная тема г. Сивачева и даже отдѣльныя ея подробности уже стали достоянiемъ литературы, книга его читается съ такимъ интересомъ, какъ будто никто раньше объ этомъ не писалъ. Это впечатлѣнiе новизны обусловлено тѣмъ, что книга г. Сивачева не романъ, а непосредственная живая жизнь. Это автобiографiя, въ которой мало Dichtung и почти все, а, можетъ быть, и все, доподлинная Wahrheit. Въ этой книгѣ бьется и истекаетъ кровью живое человѣческое сердце. Авторъ не позируетъ передъ читателемъ, не старается поддѣлать свою физiономiю, не хочетъ казаться интереснѣе, чѣмъ онъ есть. Эта искренность, не щадящая ни себя ни другихъ, невольно подкупаетъ. А то, что онъ разсказываетъ, заставляетъ прислушиваться. Бывшiй рабочiй, не получившiй образованiя, почти ничего не читавшiй, г. Сивачевъ чувствовалъ инстинктивную тягу вверхъ, въ мiръ писателей, а мiръ этотъ рисовался его наивному воображенiю въ видѣ собранiя боговъ и мудрецовъ, сѣятелей добра и счастья. Войти равноправнымъ членомъ въ это свѣтлое войско рыцарей духа стало его самой жгучей мечтой, а судьба М. Горькаго, характерная фигура котораго ярко, какъ путеводный маякъ, выдѣляется на темномъ фонѣ записокъ, служила ему ручательствомъ, что и человѣкъ низа можетъ встать на высотахъ жизни. И вотъ онъ начинаетъ писать и съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ стучаться въ двери писателей и критиковъ, редакторовъ и режиссеровъ. Всѣмъ и каждому онъ ставитъ вопросъ: есть ли у него талантъ? Его встрѣчаютъ одни—холодно и враждебно, другiе—какъ нищаго больного, нуждающагося въ филантропiи, третьи—одними хотя любезными, но пустыми обѣщанiями. Передъ наивнымъ мечтателемъ стала вдругъ голая правда жизни. Мiръ боговъ сразу какъ-то померкъ, сдѣлался обыденнымъ, рыцари духа превратились въ самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ, съ физiономiями „человѣческими, слишкомъ человѣческими". И, чѣмъ ярче раньше горѣла иллюзiя, тѣмъ чернѣе кажется ему теперь дѣйствительность. Подъ влiянiемъ этого разочарованiя г. Сивачевъ не всегда справедливъ въ своихъ оцѣнкахъ. Часто онъ принимаетъ за преднамѣренное оскорбленiе то, что на самомъ дѣлѣ только результатъ нашего дѣлового уклада жизни. Порой онъ видитъ нежеланiе ему помочь, гдѣ на-лицо только невозможность его устроить. Онъ и самъ оговаривается въ предисловiи, что многое въ его запискахъ слишкомъ „односторонне". Но, вѣдь, онъ и не создавалъ на основанiи отстоявшихся впечатлѣнiй жизни романъ, а фотографировалъ свою душу въ каждый отдѣльный моментъ ея „хожденiя по мы-

тарствамъ". А самое это „хожденіе" разсказано съ такой большой искренностью, съ такой нервной реакціей на внѣшнюю дѣятельность, которыя позволяютъ надѣяться, что, авторъ „Прокрустова ложа", въ концѣ концовъ, осуществитъ свою мечту войти равноправнымъ членомъ въ семью писателей, тѣмъ болѣе, что, несмотря на выпавшія на его долю лишенія, невзгоды и разочарованія, онъ остался вѣренъ тому голосу, который съ раннихъ лѣтъ звалъ его къ служенію литературѣ.

В. Фриче.

Елена Грекова. Разсказы. Спб. 1911—У большинства начинающихъ писателей есть неодолимая потребность повторять готовые образцы. Привычные эпитеты и обороты рѣчи, набившія оскомину сравненія и параболы—имѣютъ странную, несознаваемую силу почти надъ всѣми вступающими на путь авторства: ихъ первые опыты въ девяти случаяхъ изъ десяти засорены заимствованной и назойливой словесной шелухой. И, къ несчастью, существуетъ, повидимому, только одинъ способъ освободиться отъ этого ненужнаго и чужого: повторить это ненужное для того, чтобы никогда больше къ нему не возвращаться. И каждый торопится прежде всего выложить то, что и безъ него уже всѣ тысячу разъ слыхали. Это своего рода литературная корь, нѣчто въ родѣ дѣтской болѣзни беллетристовъ, миновать которую удается развѣ лишь очень немногимъ. А, можетъ быть, и никому. Но нѣкоторые переживаютъ ее дома и счастливо успѣваютъ сбросить шелуху раньше своего появленія въ печати... А другіе не только пишутъ, но и печатаютъ въ наши дни такого рода страницы, напоминающія блаженной памяти „Бѣдную Лизу": „Вѣрю ли я въ судьбу, въ могущественный фатумъ? О, нехорошій, злой человѣкъ, какъ мнѣ не вѣрить ей, этой судьбѣ, если у меня единственная надежда на ея всесильную помощь, на то, что она снова приведетъ бѣглеца къ покинутой. Ахъ, какъ это было тяжко терять надежду, томиться отъ жажды, отъ страстной тоски, носить въ сердцѣ вѣчную, глухую, никому неслышную боль! И неужели такъ быстро и ослѣпительно насталъ часъ судьбы (?!) О, если такъ, если я на самомъ дѣлѣ тебя увижу: „солнце, остановись"... и т. д.

Въ такихъ выраженіяхъ у г-жи Елены Грековой нѣкая прелестная молодая учительница, „Милаша" (Людмила), мысленно адресуется къ своему возлюбленному, великолѣпному князю Верхогорскому, дополнительно награждая его классическимъ прилагательнымъ „жестокій". Въ свою очередь, князь заочно именуетъ ее „жестокой воительницей", а при встрѣчѣ заявляетъ ей, что она „такая же, какъ всѣ женщины, коварная, злая измѣнница",—и добавляетъ: „Прощай! О, прощай навсегда, мечта любви"...

„Напитокъ любви"... „Невидимыя сѣти"... „Ядовитыя стрѣлы"... „Меня влекла невѣдомая сила, рокъ"... „Власть священныхъ струнъ Аполлоновой лиры"...—такъ и сыплется у персонажей г-жи Грековой. По пути читатель поставляется въ извѣстность, что „глаза—зеркало души"... А такъ какъ душа у всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ сущности превосходная, то все и кончается къ общему удовольствію: „самъ Богъ сказалъ, что нехорошо быть человѣку одному"... И потому „жестокій" князь и „коварная измѣнница" Милаша благополучно сочетаются законнымъ бракомъ. Вдобавокъ у бѣднаго изгнанника Русинова (того самаго, который находится подъ властью „священныхъ струнъ Аполлоновой лиры"). обнаруживается блестящій литературный талантъ, и, сверхъ того, его дочь опредѣляютъ безплатно въ гимназію, а самому ему дарятъ домъ, каковыми благодѣяніями онъ обязанъ своимъ друзьямъ: князю съ княгиней и богачу Добрынину—настоящему „доброму волшебнику", у котораго „и походка была счастливца,—быстрая, стремительная, какъ движеніе вѣтра молодого", и взглядъ „добрый и свѣтлый", хотя въ манерахъ нѣсколько чувствовались „вѣжливо припрятанныя когти льва"...

Въ этомъ разсказѣ, открывающемъ сборникъ и озаглавленномъ „Гдѣ цвѣтутъ азаліи",—все лубочно, ходульно и слащаво, нѣтъ ни одного живого лица, всѣ говорятъ чужими, высокопарными, ненужными и ветхими словами,—короче говоря, тутъ сразу уплачена литературной кори обильная дань. Къ счастью, эта болѣзнь не опасная, и въ слѣдующихъ разсказахъ отъ нея почти не осталось слѣдовъ. Люди—какъ люди, рѣчи—какъ рѣчи, естественныя, простыя, человѣческія; развѣ лишь немножко сентиментальныя. Запасъ наблюденій не великъ, кругъ темъ ограниченъ, обработка нѣсколько наивна и прямолинейна, но наблюдательность у автора есть, особенно въ области переживаній нетронутой женской души и души ребенка. Есть типы и положенія, повторяющіяся у г-жи Е. Грековой: подростокъ, рвущійся къ образованію наперекоръ внѣшнимъ препятствіямъ; пропойца, сохранившій душу живую среди окружающей пошлости и грязи.